

ОЛЕГ СЕРГЕЕВ (Йошкар-Ола)

ПОСТРОЕНИЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В РУКОПИСНЫХ СЛОВАРЯХ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА XVIII—XIX ВВ.

Содержание любой словарной статьи традиционно опирается на принадлежность слова к определенной части речи. Рукописные памятники мари́йского языка, как правило, включают в свой реестр наиболее стабильную, традиционную лексику. В них обнаруживаются все части речи мари́йского языка.

Каждый словарь отличается разнообразием и свободой в отборе лексических средств. Мари́йские слова главным образом приводятся в основной форме, глаголы — в форме 1 л. ед. ч. настоящего времени, что вполне объяснимо, так как в мари́йском языке существуют два вида спряжения, по форме же инфинитива невозможно определить, к какому из них относится данный глагол. Такая попытка впервые сделана В. Крекниным и И. Платуновым, но в отличие от некоторых подобных работ, они после заглавного слова указали тип спряжения: *вакшамъ* 1 спр. 'настилаю', *киллемъ* 2 спр. 'озябаю, замерзаю' и т. д. В такой же форме даны глаголы в словарях Г. Миллера, Д. Дамаскина, А. Смирнова и в анонимном «Словаре языка черемисского», например: *узалЕмъ* 'продаю' (ф. 21, оп. 5, № 149), *куржамъ* 'бегаю' (ф. 2013, оп. 602-а, № 186), *киёмъ* 'лежу' (№ 1146), *налámъ* 'беру' (№ 1360), *элыштámъ* 'воскрешаю' (№ 216), *кучёмъ* 'держу' (№ 1755).

В рукописях А. Канцеровского, Ф. Земляницкого, А. Бессонова и в анонимных «Материалах для словаря черемисского языка» глаголы даны в форме инфинитива на *-аш*, например: *кыцкашъ*, *кычкашъ* 'впрягать, запрягать' (р. III, оп. 1, № 213), *смолиташъ* (л.) 'смолить' (№ 1420), *шёр(аш)* 'бредить' (№ 1243), *ургашъ* 'шить' (ф. 170, оп. 1, № 139). В неопубликованных материалах И. Фишера они приводятся как в форме инфинитива, так и в форме 1 л. ед. ч. настоящего времени, например: *jüasch* 'пить', *oschkédem* 'шагаю'. Наиболее своеобразна подача глаголов в лексикографическом труде П. Ерусланова. Под «черным» словом выступает инфинитив, а рядом приводится показатель личной формы спряжения: *кушташ*, *-эм* 'плясать', *лукташ*, *-ам* 'выводить' и т. д., но, к сожалению, она не везде последовательно выдержана. Однако включение личной формы (наряду с инфинитивом) в словарную статью следует рассматривать как успех мари́йской лексикографии, так как в мари́йском языке имеются глаголы-омоформы, которые совпадают в инфинитиве в своем звучании, но различаются при спряжении, например: *возаш* 1) 'писать', 2) 'ложиться'; *колаш* 1) 'слышать', 2) 'умирать'; *толаш* 1) 'прийти', 2) 'грабить'. Не случайно К. Е. Майтинской замечено, что «по форме инфинитива нельзя узнать, к какому из этих двух типов спряжения относится данный глагол. Поэтому в будущем мари́йско-русском словаре кроме инфинитивной

формы глагола будет необходимо привести в скобках также и одну из личных форм, показывающую принадлежность данного глагола к тому или иному типу спряжения» (1957 : 169).

Глагольные формы зафиксированы в основном правильно, но в иных словарях XVIII, даже XIX в. встречается смешение типов спряжения. Так, нередко глагол I спряжения дается в форме II спряжения, например: *мушкэмъ* 'омываю' (ф. 2013, оп. 602-а, № 186) вместо *мушкам*; *пуалэмъ* 'дую' (№ 216) вместо *пуалам*; *куралемъ* 'пашу' (№ 1360) вместо *куралам* и т. д. Немало случаев и обратного смешения: *рвámъ* 'вырубаю' (ф. 2013, оп. 602-а, № 186) вместо *руэм*; *печámъ* 'горожу', *эпкелámъ* 'гневаюсь' (№ 216, № 1360) вместо *печем*, *опкелем*; *волтámъ* 'опускаю' (№ 1146) вместо *волтем* и т. д. Случаи отклонения в спряжении от норм современного литературного языка нельзя считать чисто орфографическими ошибками, они объяснимы тем, что к тому времени процесс формирования типов спряжения еще не завершился (Галкин 1962 : 171). Подтверждением служит фиксация в рамках одного заглавного слова обоих показателей спряжения марийского языка: *кочкámъ* I спр. или *кочкэмъ* II спр. 'ем, питаюсь, пожираю' (№ 197/1); *кодэмъ* 'остаюсь', *кодámъ* 'останусь' (№ 1755), ср. совр. *кочкам*, *кодам* и некоторые другие. В рукописных словарях А. Смирнова имеются поправки, сделанные другим почерком, где гласный *e* (э) исправлен на *a*, или наоборот: *jomэмъ* 'потеряюсь', *лудэмъ* 'читаю' (№ 1146); *лектэмъ* 'выхожу, происхожу' (№ 1360), ср. совр. *йомам*, *лудам*, *лектам*. Однако автор поправки при добавлении синонимичных слов допускает смешение типов спряжения: *серэмъ* *возамъ* 'пишу', *шюдámъ* *кюштамъ* 'приказываю' (№ 1146), ср. совр. *серем*, *возем*, *шүдем*, *күштем*. Как показывают данные рукописных словарей, формирование типов спряжения современного марийского языка началось, по-видимому, в третьей четверти XIX века.

Имена существительные в словаре занимают доминирующее место. Они даны в форме номинатива, но у В. Крекнина и И. Платунова наряду с основной формой указан генитив, например: *агавуй унъ* 'плуг', *áзыръ ынъ* 'щипцы, тиски', *вопшъ онъ* 'борт' и т. д. Некоторые рукописи приводят также существительные во множественном числе, показателем которого выступают суффиксы: а) *-влак / -влá*, например: *енбЕлякъ* 'люди' (ф. 94, оп. 2, № 111), *норьбля* 'поле' (ф. 2013, оп. 602-а, № 186), *эдЭмв'ля* 'народ' (ф. 170, оп. 1, № 139); б) *-шамыц*, например: *ъншамыцъ* 'люди' (ф. 94, оп. 2, № 106), *тЕнгЕжшамыцъ* 'моря' (№ 197/1); в) *-ла*, имеющий собирательное значение, например: *воштерлá* 'тростник', *кожла* 'ельник' (№ 216); г) *-ер*, также с собирательным значением: *пюнджэръ* 'сосняк, бор' (№ 1360), *шертнэръ* 'ивняк' (№ 216), *нужеръ* (г.) 'место, поросшее крапивой, крапивник' (№ 1420). Во многих лексемах суффиксы *-ер* и *-ла* выступают вместе — как сложное образование, например: *пистерлá* 'липняк' (№ 216), *отерла* 'кустарник' (№ 1420), *куэрлá* 'березняк' (№ 1755) и т. д. В «Словаре языка черемисского» (№ 216) зафиксирован единственный пример с суффиксом *-лар*: *энзежларъ* 'малинник', который заимствован из татарского языка.

Лексикографы-практики впервые ввели в словари топонимы, представляющие особый интерес не только для лингвистов, но и для географов: *Юлъ* 'Волга' (№ 218), *Вичъ* 'река Вятка', *ВэрзумЕ ола* 'г. Уржум' (№ 197/1), *Царла* 'г. Царевококшайск' (№ 2581), *Моско* 'г. Москва', *Шанчыра*, *Шанчурико* 'г. Царивосанчурск' (№ 2143), *Мырас ото* (Унжа Цар.) 'роща керемети' (р. II, оп. 5, № 3) и т. д.

В словарях В. Крекнина, А. Канцеровского, Ф. Земляницкого после заглавного слова приводятся диалектные варианты регионально-этнического характера: *абà* или *авà* 'мать, родительница' (№ 197/1), *атя*, *ача* 'отец' (р. III, оп. 1, № 213), *каикъ*, *оя*, *воеръ* 'дикий' (№ 1420) и т. д. В рукописях А. Бессонова, П. Ерусланова и в анонимном словаре (ф. 170, оп. 1, № 139) по возможности указана диалектная принадлежность: *ätя* (яр.), *ачä* (урж.) 'отец' (№ 1243), *авурньо*, *аурньо* (бир.), *айүрньо* (перм.) 'воробы' (р. II, оп. 5, № 3), *шánзал* Ц., *шонзал* В. 'соль' (ф. 170, оп. 1, № 139) и т. п. Несомненно, указание на диалектную принадлежность весьма ценно для исторической диалектологии и диалектографии.

Некоторые составители после отдельных заголовочных слов дают объяснение морфологических особенностей частей речи, например: *волашъ* — этот глагол заменяет собою в деепричастной форме на *энъ* предлог *с* в русских сложных средних глаголах, означающих движение сверху вниз, и становится прежде глагола, выражающего самый способ движения, который ставится после и подлечит спряжению: *ва лэнъ-вазэнъ* 'упал' (№ 1420); *лукташ* — употр. вспомогательно для выраж. окончания действия: *налын лукташ* 'вынести взявши'; *шүдүрен лукташ* 'вытаскивать' (р. II, оп. 5, № 3) и т. п.

Большой интерес с точки зрения исторической лексикологии и лексикографии представляют омонимы в словарных статьях. Рукописные словари — это один из основных источников для изучения проблемы омонимии в марийском языкознании. До сегодняшнего дня, как указывают многие авторы (Виноградов 1956: 68; Абаев 1957: 43; Терещенко 1967: 36—40; Берков 1977: 60; Павлов 1988: 143—144; Häkkinen 1985), среди основных вопросов теории лексикографии вопрос об омонимии остается одним из важнейших. Выделение омонимов в рукописях XVIII—XIX вв. в связи с неразработанностью методики их изучения сделано непоследовательно. Главным образом они входят в состав словарной статьи: *й* 'лед, год, долото', *мáре* 'супруг, черемиса' (№ 197/1), *мари* 'муж, черемисин' (№ 1360) и т. п. В «Черемисско-русском словаре» А. Бессонова омонимы подведены также под один графический комплекс, однако в отличие от предшествующих словарей пронумерованы в строгой последовательности, например: *и* '1. год, 2. лед, 3. долото, стамеска, 4. пльви (по воде), 5. союз и'; *йылме* '1. язык вещественный, 2. язык как речь'; *шүдүр* '1. веретено, 2. звезда' и т. д. В ряде случаев авторы оформили омонимы отдельной словарной статьей, например: *нүжъ* 'щука (рыба)', *нужъ* 'крапива' (№ 197/1); *шоло* 'вязь (дер.)', *шоло* 'кишка', *шоло* 'вор', *шоло* 'плот' (р. III, оп. 1, № 213); *шүдүръ* 'веретено', *шүдюръ* 'звезда', *шюдюръ* 'рубль' (№ 1755). Вполне справедливо подметил Н. И. Фельдман, что омонимы, как и всякие другие слова, должны быть даны отдельной словарной статьей: при отсутствии этого пользующийся словарем вправе заключить, что такого отдельного слова не существует (1957: 28). Заслуга составителей рукописных словарей марийского языка состоит в попытке выделить омонимы в отдельные словарные статьи.

Во многих словарях реестровые слова имеют синонимические определения, например: *jenь*, *эдэмъ* 'человек', *шЕрбáлъ*, *жорзà* 'сметана' (ф. 2013, оп. 602-а, № 186), *пáше* или *сóмол* 'работа' (№ 216), *осалъ*, *уда*, *ябыг* 'худой' (№ 1755), *мижъ кемъ* или *валенкà*, *портошкемъ* 'шерстяные сапоги, валенки' (№ 1243) и т. д. Такие документированные записи дают представление о «нижней» и «верхней» границах фиксации

слова или значения, тем более что некоторые лексемы из этих синонимических рядов уже забыты, например: *жорга*, *пава* 'лужа', *тоня* 'брод', *юктем* 'читаю' и т. д. В большинстве случаев синонимы даны для имен существительных, глаголов и прилагательных, обозначающих цвета.

Среди других выделяется словарь П. Ерусланова, где в одной словарной статье отражены антонимичные пары, например: *куштылго* прот. *нэлэ* 'легкий, поверхностный' (*неле* 'тяжелый'), *кўзяш* прот. *волаш* 'подниматься' (*волаш* 'спускаться'), *лукташ* прот. *пурташ* 'выводить' (*пурташ* 'вводить'). Единичные подобные примеры есть в словаре А. Бессонова: *кыс* 'призыв кошки прот. *прыс*', *тпруэнь* 'призыв коровы прот. *сõ!*', остальным словарям такой подбор с «противоположением» не свойствен.

В виде отдельных словарных статей оформлены и ономастопозитические слова, например: *ÿ ÿ ÿ 'ax'* (№ 197/1), *нуемя* 'ну, нука (говор к лошади)' (№ 1420), *ути! ути! вуй-вуй!* 'призыв уток, прот. *кыш'* (№ 1243), *кўп-кўп = кõп-кõп* 'звуки при ударе' (р. II, оп. 5, № 3) и т. п.

В словаре П. Ерусланова впервые представлены слова детской речи. В подавляющем большинстве случаев для этой категории слов в русском языке соответствуют лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Однако автор, за некоторым исключением, дает их в обычной форме. Например: *мама* детское слово 'вода, водичка': *мамам йўам* 'пью воду'; *няня* Бс. 'хлеб' (о детях), *нямаш* Бс. 'кушать' (о детях); *папалтэм* 'посплю', *папем* 'сплю' (о детях), *папыктэм* 'баю-каю'. Достоинство рукописи заключается в том, что детская лексика снабжена специальной пометой, которую требуют и современные составители двуязычных переводных словарей (см., например, Ыйм 1981 : 19). В незначительном количестве в данной рукописи встречаются и бранные слова марийского языка, например: *лаче мўшкыр* 'вислое брюхо, прозв. чел. пузатого'.

Особый интерес представляет включение в заглавную единицу этнонимов. В рукописях XVIII в. преобладают такие этнонимы, как *рвшь* 'русский' (ф. 2013, оп. 602-а, № 186), *кўрукъ марэ* 'чуваша' *мõкишо* 'мордва', *одо* 'вотяки', *суьсъ* 'татарин' (№ 197/1), т. е. названия народов, которые жили по соседству с марийцами, в памятниках XIX в. количество этнонимов значительно расширяется. Кроме *одо марэ*, *одо* 'вотьяк' (№ 1243), *руш* 'русский', *татар* Ш., *суьс* Ц., *сўась*, *тотар* 'татарин' (ф. 170, оп. 1, № 139), *курык мари*, *суасла мари* (по-татарски черемисен) 'чуваш, чувашин', *курук мари*, л. чер. *кукмари* 'горн. черемисин' (р. II, оп. 5, № 3), здесь обнаруживаются *пошкырт* 'башкир', *тэптэр* 'тептерья', *англичан*, *англичанин* (р. II, оп. 5, № 3), *циган* (ф. 170, оп. 1, № 139).

Отдельные словарные статьи отличаются неполнотой сведений. Особенно это характерно для многозначных слов. Однако нельзя сказать, что полисемия не учитывалась вообще. О выделении полисемии как одного из способов обогащения словарного состава свидетельствует лексема *нлэжамъ* 'брею, обриваю, скребу, оскребаю, обрываю' (№ 197/1), зафиксированная в памятнике XVIII в. Более четкое разграничение полисемии наблюдается в словарях XIX в., в частности у П. Ерусланова. Многозначность слова раскрывается им на богатом иллюстративном материале, например: *кышкаш* бел., *кõшкәш* г. чер. 'швырять, кидать, метать': *тэрыс кышкаш* 'навоз сваживать'; *киндэ кышкаш* 'сажать хлеб'; *каван кышкаш* 'метать стог'; *жерева кышкаш* 'метать жребий', *шўкым кышкаш* 'сор выметать'; *йўр шап кышкыш* 'дождь сильно лил'. Полисемантическую рассмотрим на примере сочетаний с *кышкаш*. П. Ерусланов приводит такие его значения: 'сваживать; сажать; метать; сорить; лить'; в МРС приведены следующие значения:

1) 'бросать, сбрасывать кого-что-либо'; 2) 'забрасывать, подбрасывать, кидать, скидывать что-либо'; 3) 'метать что-либо'; 4) *киндым конгаши кышкаш* 'метать хлебы в печку'; 5) *ордыжкё кышкаш* 'отбрасывать, откидывать кого-что-либо'; 6) *шала кышкаш* 'разбрасывать, раскидывать что-либо'; 7) 'разметать что-либо (напр. стог)'. В сочетании *тэрыс кышкаш* выступает *кышкаш* в своем основном значении 1, 2, может употребляться и в значении 5, 6 (МРС 274); в *киндэ кышкаш*, ср. *шурным (пырчым) кышкаш* то же (букв. 'кидать, подбрасывать зерна') — также в основном значении 1, 2, 5, 6; в *каван кышкаш* — в значении 7, в *жерева кышкаш* — в значении 3, а в *шукым кышкаш* — в значении 6. В примере *йёр шап кышкыш* слово *кышкаш* выступает уже в переносном значении. Однако большинство многозначных слов в рукописных памятниках дано в своих основных прямых значениях, содержание которых осталось не раскрытым.

Таким образом лексикографы-ремесленники положили начало марийской переводной лексикографии. Их поиски были направлены на усовершенствование словарного дела — марийские двуязычные словари прошли свой путь через различные эксперименты. Рукописные памятники имеют и ряд недостатков, это вполне объяснимо — ведь лексикографы-практики начинали работу на пустом месте и были не в состоянии решить такую сложнейшую задачу, как создание лексикографического произведения, отражающего всю марийскую лексику.

Список рукописных источников

Архив Санкт-Петербургского отделения Российской академии наук

Географические и исторические ведомости, собранные и присланные в Академию В. Н. Татищевым; Самара, Верхотурье, Пелым, Тобольск, Пара, Иркутск, дер. Батемыр — черемисы, р. Сысерт. Описание крепостей по р. Иртышу. Заметки о мутах (Охотск и Камчатка). Словари: вогульский, черемисский, чувашско-черемисско-мордовский, калмыцкий, грузино-персидско-турецкий, различные слова этих наречий в переводе на русский. Описание городов и географических местностей составлены геодезистами Меховым, Наруцовым, Ив. Порецким и др. — ф. 21, оп. 5, № 149, фонд Миллера.

Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и Словарь. Составил преподаватель черемисского языка в Казанской семинарии Алексей Канцеровский. Казань 1859. — р. III, оп. 1, № 213.

Рукописи трудов и отдельные документы. Фишер И. Э. (акад.). Словарь... (черемисский, мордовский, самоедский, чувашский, латинский, финский, зырянский). — р. III, оп. 1, № 135.

Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, морнаречие и Вятское) за подписью «Тихон Васильев». — ф. 94, оп. 2, № 106, фонд Шёгрена.

Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский мордовский, вотяцкий языки. — ф. 94, оп. 2, № 111, фонд Шёгрена. Бумаги Палласа.

Архив Санкт-Петербургского отделения Института Востоковедения Российской академии наук

П. Ерусланов, Черемисско-русский словарь. — р. II, оп. 5, № 3.

Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Эрмитажное собрание).

Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекни-

ным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года. — Эрм. собр. № 197/1.

Словарь черемисского языка с российским переводом. — Эрм. собр. № 218.

Словарь языка черемисского. — Эрм. собр. № 216.

Государственный архив Нижегородской области

Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный. — ф. 2013, оп. 602-а, № 186.

Государственный архив Кировской области

А. Г. Бессонов, Черемисско-русский словарь — № 1243.

Материалы для словаря черемисского языка. — ф. 170, оп. 1, № 139.

Отдел рукописей и редких книг Библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета

Словарь черемисско-русский (отрывок от *Цал до Шим*). — № 2581.

Словарь черемисско-русский учителя духовного училища Земляницкого. — № 1420.

А. Смирнов, Русско-черемисский словарь лугового наречия. — № 1146.

А. Смирнов, Русско-черемисский словарь лугового наречия. — № 1755.

А. Смирнов, Словарь черемисского языка. — № 1360.

Сокращения

В в рукописных словарях: **Бел. (Бс.)** — белебеевский говор, деревня Сокто; **бир.** — бирский говор марийского языка; **В.** — восточное наречие марийского языка; **г., г. (чер.)** — горно-черемисское наречие; **л.** — луговое наречие марийского языка; **оп.** — опись; **р.** — разряд; **урж.** — уржумский говор марийского языка; **Ц.** — царво-кокшайский говор марийского языка; **Ш.** — шарангский говор марийского языка; **яр.** — яранский говор марийского языка.

МРС — Марийско-русский словарь. С приложением краткого грамматического очерка марийского языка, Москва 1956.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. 1957, О подаче омонимов в словаре. — ВЯ 3, 31—43.

Берков В. П. 1977, Слово в двуязычном словаре, Таллинн.

Виноградов В. В. 1956, Теория и практика русской лексикографии. О некоторых вопросах теории русской лексикографии. — ВЯ 5, 80—94.

Галкин И. С. 1962, К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград, 165—177.

Майтинская К. Е. 1957, Отражение различий грамматического строя в двуязычных словарях (на материале финно-угорских языков с привлечением тюркских). — Лексикографический сборник, 1, 160—171.

Павлов И. П. 1988, Подача омонимичных слов, образованных по конверсии, в тюркоязычных словарях. — Всесоюзная конференция. Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей, Москва, 143—144.

Терещенко Н. М. 1967, Вопросы лексики ненецкого языка и принципы построения двуязычных словарей языков разных систем с различной письменной традицией. Автореф. докт. дисс., Ленинград.

Фельдман Н. И. 1957, Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях. — Лексикографический сборник 1, 9—35.

Бйм А. А. 1981, Семантическая структура слова в переводном словаре (на материале русского и эстонского языков). Автореф. канд. дисс., Воронеж.

Häkkinen, K. 1985, Suomen kielen sanaston historiallista taustaa, Turku (Fennistica 7).

OLEG SERGEJEV (Joškar-Ola)

**ZUM AUFBAU EINES WÖRTERBUCHARTIKELS IN MARISCHEN HAND-
SCHRIFTLICHEN WÖRTERBÜCHERN DES 18.—19. JAHRHUNDERTS**

Der Artikel behandelt Probleme des Aufbaus eines Wörterbuchartikels in marischen handschriftlichen Wörterbüchern. Die Autoren dieser Wörterbücher experimentierten verschiedenartig in ihren Werken. Dieses historische Schriftgut erfaßt hauptsächlich den stabilen, traditionellen Teil der marischen Lexik in seinen Verzeichnissen. Vom Standpunkt der historischen Lexikographie ist beachtenswert, daß in den Wortartikeln sowohl synonymische als auch antonymische Paare, onomatopoetische Wörter, Ausdrücke der Kinderrede und Schimpfwörter zu finden sind. Viele von diesen sind besonders gekennzeichnet.